

Здесь могут водиться чудовища

Стефано Грассини

Стефано бы погрешил против истины, если бы сказал, что после той истории с несчастной пиньтой Дарсия ему житья не давала, требуя, чтобы юноша пошёл и извинился перед Маркусом. Ровно наоборот, девушка выражала свою позицию весьма сдержанно и лишь пару раз мягко напомнила, что считает такой поступок уместным и правильным. Но тем не менее, и этого было довольно, чтобы желание девушки засело у Стефано в памяти острой занозой. Наверняка понимая, какую власть она имеет над молодым итальянцем, Дарси этой властью пользовалась редко, но умело. И, пусть не сразу, но все же без особого труда добилась того, что юноша согласился: отношения с Маркусом надо хоть как-нибудь да наладить, негоже оставлять их в таком непотребном виде. После этого же действительно собраться и отправиться приносить извинения было уже вопросом времени.

Сразу так, как хотелось бы, не повезло, и обнаружить Маркуса в его комнате, да и вообще в монастыре не удалось. Зато, напрягшись, Стефано разузнал, что Маркус в последнее время частенько упражняется со своим внутренним зверем и почти наверняка сейчас именно тем и занимается где-нибудь за пределами монастыря. Поэтому Стефано, не откладывая в долгий ящик, сразу же отправился искать усердного оборотня. Ему казалось, в этот раз у него есть все шансы избежать неприятной драки с гиеной - особенно бы хотелось избежать, учитывая то, что на этот раз драться было нечем.

Выходов из монастыря было немного, и Стефано планировал методично проверить их все. Однако долго прочесывать прилегающую к монастырю территорию не пришлось: довольно скоро юноше повезло наткнуться на следы гиены. Отчётливо отпечатавшиеся на земле, с крупными пальцами, с глубоко проколотыми точками когтей, они уверенной цепочкой уводили в горы. И Стефано, цепко следя за этими отпечатками лап, чтобы ни в коем случае не потерять их из виду, по следам точно так же углублялся в горы. Юноша сильно сомневался в том, что в монастыре завелась вторая гиена, когда здесь и первая-то была в диковинку, а значит, эти следы должны были привести его чётко к искомому клиенту.

Маркус Агирре

Цэрин Лхаце и ее брат не покинули деревню и остались там, и Маркус был рад такому повороту событий. Хотя он прекрасно понимал, что не является тем человеком, на которого эта девушка обратит внимание. Она была сильно привязана к своему брату, которому Джун помогал справиться с духами и одержимостью. Маркус старался не попадаться ей на глаза и вообще не думать о ней. И получалось это только в те времена, когда он был гиеной.

Зверем он становился достаточно часто, если не сказать всегда. Просыпался в комнате, завтракал и уходил в горы, чтобы бродить в облике своего зверя и учиться, чему-то новому. А еще он вспоминал Африку. И хотел вернуться туда.

Сестра бы сказала, что это глупо, так страдать по какой-то девчонке, о которой совершенно ничего не знаешь. Но он не мог не думать о Цэрин Лхаце. Просто не мог.

Сегодня был достаточно теплый день, и Маркус в очередной раз вышел прогуляться. Сегодня хотелось просто побродить по горам, исследуя все новые участки, но внезапно появившиеся самцы кабарги изменили его планы. Гиена спряталась за камнями и стала наблюдать, как два оленя выясняют отношения и показывают, кто достоин спариваться с самкой и иметь потомство. И это было восхитительное зрелище.

Стефано Грассини

Применять свои умения следопыта на практике поводов было откровенно мало, и потому Стефано до сих пор доверял им через раз, с оглядкой. Но сегодня осечки не произошло - возможно, потому, что ей было просто негде случиться. Следы гиены всю дорогу оставались достаточно чёткими для того, чтобы их нельзя было по случайности или по неосторожности потерять. Следуя же по этим отпечаткам лап, Стефано довольно скоро наткнулся и на самого искомого клиента. Точнее, наткнулся на гиену и искренне верил, что под шкурой хищника скрывается именно Маркус. Откуда бы тут другим гиенам взяться.

Помимо гиены, Стефано наткнулся ещё и на двух сшибающихся рогами оленей - но этих своим ни разу не скрытым появлением спугнул. Олени метнулись прочь, исчезая из виду почти мгновенно, Стефано же застыл, испытывая смутное, странное, близкое к звериному желанию броситься следом, только теперь не красться по следам, как делал до этого, а чтобы видеть перед собой мелькающие белые пятна хвостов.

Хотя изначально преследовал ведь ни разу не оленей, откуда только такая мысль сейчас всплыла.

- Ну здравствуй, - сказал Стефано, с усилием сбросив оцепенение, и перевёл взгляд на гиену. В том, что это Маркус, итальянец не сомневался, оставалось только как-нибудь его выманить из звериной шкуры и разговорить. - Только не вздумай драться. Я к тебе с миром. Диалог вести будем или я буду монологить в гордом одиночестве? Тебе как больше по вкусу?

Маркус Агирре

Звук шагов спугнул дерущихся оленей, и те очень быстро убежали. Гиена обернулась на звук голоса и внимательно посмотрела на молодого человека. Потом, наклонив голову, убежала за камни.

Превращение не заняло много времени, и вскоре на ноги поднялся Маркус. Он был зол. Потому что этот парень помешал наслаждаться таким прекрасным и захватывающим зрелищем. Потому что битва кабаргов (а это животное склоняется или нет?) интереснее битвы самцов антилоп гну. Гну слишком неповоротливые и большие. А кабарга достаточно изящна. Конечно, не сравнится ни одна кабарга с газелью Томпсона или Гранта, но эти животные, населяющие пустынные земли тибетского плато, уж очень быстро и уверенно карабкаются по камням и горам.

Маркус подошел к Стефано и уселся на один из камней.

- И тебе здравствуй. Такую прекрасную драку спугнул, а ведь правый самец мог выиграть, если бы ты был чуть тише и осторожнее, - усмехнулся он. - Хорошо. Давай поговорим.

Стефано Грассини

Если судить по тому, как гиена внимательно посмотрела, а потом нырнула за крупные камни - как минимум, зверь понял человеческую речь, а как максимум, это действительно был Маркус и сейчас он рванул превращаться, чтобы можно было вести вменяемый диалог. Идти следом за гиеной и проверять, как она там и превращается ли, Стефано деликатно не стал: это, наверное, все равно что переодевание, посторонних посмотреть не приглашают. А через некоторое время из-за камней появился и Маркус собственной персоной, с таким раздосадованным лицом, как будто ему не дают посмотреть бой века, а он все деньги поставил на бойца в чёрных трусах.

И ведь когда Маркус заговорил, ещё и оказалось, что это не так уж далеко от истины.

- Вот уж не знал, что ты такой любитель оленьих боев, - хмыкнул в ответ Стефано. - А ты за которого болел? За побеждающего или за проигрывавшего? - Дурацкий вопрос о том, насколько гастрономическим был интерес к этому бою и насколько сильно было желание поджечь проигравшего, Стефано удержал при себе, вовремя сумев не выболтать эту дурь вслух. И посерьёзшел, переходя к главной теме дня: - Вообще-то, я пришёл перед тобой извиниться. За то, как на гиену твою напал, и за то, как потом ничего умнее той кривой пиньяты на Рождество не придумал. Большую часть из этого я не должен был делать, я перед тобой виноват, и я прошу у тебя прощения, - и, ух ты, произнести это далось куда легче, чем Стефано себе воображал. Даже язык не отвалился, не отсох и не рассыпался пылью во рту, вот уж удивительное рядом.

Маркус Агирре

- Я? Ни за кого не болел. Просто это очень красиво. Намного красивей, чем бой тех же антилоп гну. - Пожал он плечами и поправил свою куртку.

Он видел много таких поединков среди антилоп, а вот битвы газелей он почти не видел. Он даже видел битву львов за самку, и много чего интересного видел в Африке. Но вот кабарга отличается от остальных оленей. Она и грациозна, и опасна. Клыки могут проткнуть кожу, нанести смертельные раны. Маркус пару раз от них чудом уворачивался. Хотя, как он помнил, лев ударом лапы спокойно мог убить гиену, антилопа гну проткнуть рогами, а слон вообще наступить или бивнями покалечить. Африка была очень опасна, но природа ни с чем не равнялась.

Парень Дарсии решил извиниться за те события, и Маркус удивленно выгнул бровь. Он плохо помнил, что творил тогда, находясь в теле гиены, но помнил, что Дарсия тогда сильно обиделась на Яреци. А потом эта пиньята...

- Я принимаю твои извинения, хотя, вероятно, тебе не за что извиняться. Я тогда не понимал, что творю, но пиньята... - Он задумался. - Она мне не понравилась сначала, но из-за нее я и поехал в Африку. И я не жалею, что рискнул туда поехать.

Ему действительно понравилась та поездка. И, наверное, если не брать случайное убийство, то нахождение непосредственно в стае и участие в охоте и битвах ему понравилось намного больше, чем наблюдение за ними. И он не был уверен, что смог бы туда отправиться, если бы не эта глупая пиньята.

- Так что давай забудем об этом недоразумении. Я действительно сильно виноват, что не обращал на своего зверя внимания. Просто... знаешь, было как-то жутковато, что моим зверем является гиена...

Стефано Грассини

Неожиданно для Стефано разговор потёк куда более мирно, чем итальянец ожидал. Он-то думал, стоит хотя бы минимальной склоки ожидать перед примирением, если таковое вообще случится, а на деле же и того не получалось, и вообще всё звучало так, словно встретились два старых хороших друга и мирно делятся друг с другом новой затейливой информацией, которую найти получилось, пока не виделись.

- Так ты, получается, знаток по оленьим боям? И что же не так с антилопами гну? - с искренним любопытством спросил Стефано. Он находил это потрясающим - когда новая информация, совсем свежая, да какая-нибудь хитровыдуманная, не попсовая, не широко известная, прописывается у него в мозгу на постоянное место жительства. Чем кабарга в бою эффективнее антилопы гну, подумать только.

Когда же Маркус заговорил о деле, это прозвучало как минимум очень странно. Как будто он ещё и благодарен за то, что его, по сути, попытались выжить из монастыря. Стефано недоверчиво дрогнул бровью: - Тебя послушать, так это моё большое достижение, что я тебя пытался сперва прибить, потом травить, - впрочем, для того только, чтобы тут же признать: - Но я рад, что ты не держишь на меня за это зла. Значит, мир? - Дарсия обрадуется, это было первое и самое главное, о чем отчётливо подумал Стефано. Дарсия будет рада тому, что в её маленьком королевстве снова тишь да гладь и никто ни с кем не в ссоре. Она же так этим дорожит.

Маркус Агирре

На слова об антилопах гну и прочих копытных, пригодных в пищу, молодой человек предпочел ничего не отвечать. Потому что многие люди видят антилоп гну в зоопарках или не видят их вовсе, если в зоопарке их нет и если человек не появляется в Африке. Впрочем, это была не настолько важная и интересная тема, чтобы акцентировать на ней внимание.

- Ну, я думаю, что никто бы меня не вытравил из монастыря, если бы я не хотел этого сам, - пожал плечами молодой человек. - Так что да, давай заключим мир. - Он протянул руку Стефано.

Стефано не обязательно было знать, что действительно Маркус считал, что здесь ему не место. Так он считал еще задолго до того, как этот итальянец подарил ему пиньяту. Желание отправиться в Африку у него появилось после общения с отцом, когда тот как-то слишком спокойно отреагировал на то, что Маркус превращается в гиену. Впрочем, если бы не отец, то, вероятно, он бы и не поехал в Африку. И не было бы того убийства. И отец бы сильно не пострадал. И... сейчас бы не было этого разговора.

- Кстати, я плохо помню те события. Но Яреци тебе вроде помешала своей ментальной магией пользоваться способностями. Сейчас уже все нормально ведь?

Он недавно разговаривал с Дарсией, но не помнил, обсуждали они это или нет.

Стефано Грассини

На вопрос про антилоп Маркус не ответил и вообще сделал вид, что именно в этом месте ничего не слышно. Что было даже жаль - Стефано задавал вопрос, вполне искренне желая узнать ответ. Но раз молодой человек решил эту тему замять, настаивать на своем вопросе Стефано не стал. Им и без этого было о чем поговорить - предположительно, хотя пока разговор натужно спотыкался так, словно общих тем для разговора у них не было вовсе (может статься, это ещё и было правдой), и только горячее желание Дарсии всех между собой помирить столкнуло их сегодня друг с другом. А помирятся, так и разойдутся, и никогда больше друг о друге не вспомнят. Пока, во всяком случае - очень на то было похоже.

- Мир, - ещё раз подтвердил Стефано, крепко пожимая протянутую руку Маркуса. И на этом, по сути, можно было и расходиться, но назойливая вежливость требовала обменяться ещё хотя бы парой фраз перед тем, как окончательно разбежаться. Стефано в этом месте замешкался и подвис, не в силах нашарить ни одной подходящей фразы - и, в общем, был даже благодарен Маркусу, сделавшему это первым.

- Ага. Яреци запретила мне колдовать с помощью воздуха, было такое дело. Хорошо запретила, до сих пор ничего с этим поделать не могу, - с лёгкостью признался Стефано. Ему это уже не казалось ни болезненным, ни обидным - с самого начала толком не казалось, и без магии ведь отлично люди живут. - Да я пожалуй что уже и привык, даже почти не чувствую теперь, что колдовал раньше. А вот Дарсия, конечно, переживает, - слегка помрачнел Стефано. Нежная, трогательная Дарси, решила почему-то, что это её ответственность, и теперь билась лбом в эту непосильную для неё задачу, и каждый раз, когда ничего не получалось, совершенно сокрушенной выглядела.

Маркус Агирре

Обменявшись рукопожатиями, Маркус посмотрел на то место, где недавно дрались кабарги, и вернул свое внимание к Стефано. Выслушал его, подумал, что, действительно Яри иногда бывает дурой, и пожал плечами, не зная, как это комментировать. Хотя, наверное, надо что-то сказать. В тот день, насколько он помнил, Яреци получила по заслугам от Тору и, кажется, они тогда чуть не развелись. Хотя Маркус был уверен, сто Тору разведется с этой истеричкой, которая не только не может себя контролировать, но и может бросить своего ребенка в опасности. Перед глазами снова пронеслись эти кадры, как он с большим трудом успел поймать Кимико. Почему-то именно то, что Яреци бросила своего ребенка, сейчас напрягло его больше всего.

- Ну, если ты уже привык к этому, то, наверное, действительно ничего страшного, - ответил Маркус и улыбнулся.

Наверное, надо расходиться, но может быть Стефано что-то захочет ответить. Маркус снова сел на свой камень.

Стефано Грассини

Разговор откровенно не клеился - а Стефано к тому же ещё и ощущал немедленно отчётливое "ну и черт бы с ним". Просьбу Дарсии он выполнил, повинился и

помирился, а о необходимости стать с Маркусом закадычными друзьями речи уже не шло. Возможно, дело было в том, что до сих пор не выходило забыть, как бритвенно острые зубы гиены, смыкались в опасной близости от незащитной девушки, - но именно сейчас у обычно дружелюбного Стефано не было никакого желания выстраивать какие-то там приятельские отношения. Ругаться перестали, и ладно.

А если ещё сверх того ещё учесть, что Маркус со своей стороны никак не помогал, вяло реагируя на попытки поддержать разговор, обоюдное равнодушие и вовсе достигало катастрофических масштабов.

- Вот именно. Ничего страшного, - сухо согласился Стефано. Страшное в этом видела Дарси, и все время виноватой себя считала, и расстраивалась то и дело, и вот при таком раскладе - юноша действительно начинал желать вернуть себе магию. Но отнюдь не для того, чтобы снова колдовать и дальше учиться бури призывать, а для того только, чтобы Дарси себя этим терзать перестала. Но это уже было глубоко личное, для чужих ушей не предназначенное. Маркусу Стефано только кивнул: - Ну что ж - у меня, собственно, всё. Будь здоров, больше тебя не отвлекаю, - и после этого нехитрого прощания Стефано направился обратно в монастырь, надеясь, что по дороге ему больше никакие олени не попадутся. Как знать, может, на второй раз у него действительно ум за разум зайдёт, и поскачет он за теми оленями, как ополоумевший сенбернар.

Маркус Агирре

Когда молодой человек ушёл, Маркус пожал плечами и кивнул. Теперь вроде бы стало легче, по крайней мере, он извинился, да и Стефано тоже извинился. А что там сделала Яреци и о чём там жалеют или не жалеют остальные - это его не касалось. Потому что он не просил сестру защищать его. Он не просил сестру притаскивать кого-то. Он был виноват только в том, что напал на Дарсию. Он тогда не контролировал своего зверя, и всё могло бы кончиться плохо. Не кончилось.

Он снова превратился в гиену и, приняв себя, услышал запах какого-то мелкого зверька. Кажется, это был заяц, и, поймав ветер и определив, где находится добыча, направился туда. Косой слишком поздно понял, а может и вообще не понял, что жизнь его закончилась, и, разодрав тушку, гиена принялась лакомиться. А потом, закопав остатки, убежала.
